

С. В. Полехов
ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва, Россия. sergey.polekhov@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОМЕТКИ НА ЛАТИНСКИХ ДОКУМЕНТАХ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И ПОЛЬСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.

В статье анализируются древнерусские записи о содержании латинских документов о взаимоотношениях Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом и Польским королевством 1367–1393 гг. на оборотных сторонах этих документов. Показано, что эти записи были сделаны не одновременно в процессе систематизации и инвентаризации архивов, а в связи с имевшейся у русских писцов потребностью сориентироваться в содержании отдельных иноязычных документов в период интенсификации межкультурных контактов, скорее всего, во второй половине XIV в., в архивах трех разных правителей.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Польское королевство, Тевтонский орден, грамоты, дорсальные записи, средневековые архивы

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 17-29-09015 офи_м).

Приношу искреннюю благодарность П. Вежбицкому (Краков) и М. Кулецкому (Варшава) за обеспечение доступа к подлинникам пергаменных грамот Библиотеки князей Чарторыйских и Главного архива древних актов, И. Ю. Анкудинову, Г. М. Брегеру, А. Ф. Брылю, А. А. Гиппиусу, М. Зберановскому, В. Б. Крысько, А. Петрилёнису, Т. Челкису, А. Шведе, Т. Ящолту – за помощь в прочтении некоторых источников, ценные замечания и снабжение необходимой литературой.

История становления и развития архивов, как и более широкая проблематика бытования документа в Средние века и раннее Новое время, – популярные и вместе с тем перспективные направления исследований, в том числе применительно к Великому княжеству Литовскому и Польскому королевству [Kosman, 1967; Ragauskienė; Латушкін, 2017а; Латушкін, 2017б; Груша; Węcowski]. Одна из проблем этих исследований связана с тем, что самые ранние архивные инвентари (описи) относятся к XVI в. и последующим столетиям, а для более раннего времени ученым приходится опираться на источники другого рода, среди которых – пометки на обороте документов, или дорсальные (от лат. *dorsum* ‘спина’). Если латинским дорсальным пометкам ученые, прежде всего польские, уделили некоторое внимание, о чем будет сказано ниже, то древнерусские пометки на оборотах документов остались почти незамеченными¹.

Эта статья посвящена древнерусским дорсальным записям на подлинниках латинских документов второй половины XIV в., хранившихся в архивах Великого княжества Литовского и Польского королевства. Сразу стоит отметить, что такие записи имеются далеко не на всех латинских грамотах, которые касаются литовских и русских земель и хранились в архивах Гедиминовичей. В результате просмотра грамот из варшавского Главного архива древних актов и краковской Библиотеки князей Чарторыйских, доступных в подлинниках и копиях, мне

¹ Поскольку в этой статье речь пойдет о пометках с достаточно развернутым текстом, то термины «дорсальная пометка» и «дорсальная запись» применительно к ним употребляются как синонимы. Термин «архив» применительно к собраниям документов разного времени и объема используется вслед за литературой с известной долей условности [Szende, p. 109–110; Груша, с. 395–430; Węcowski, s. 370, 374]. Поскольку термин «инвентарь» принят в польской литературе применительно к перечням документов польских и литовских архивов XVI–XVIII вв., я предпочитаю его традиционному для российской историографии термину «опись», который обозначает то же самое.

удалось выявить три такие записи. Все они сделаны архаичным письмом, разными почерками. Однако палеография не способна дать их точную датировку, а потому нужно обратиться к их историческому контексту. Поскольку они почти не публиковались (а иногда их прочтение сопряжено с трудностями) и практически не рассматривались в литературе, ниже я приведу их тексты вместе со сведениями о документах, на которых они сделаны, рассмотрю вопросы датировки этих записей, их исторического контекста и значения.

1. Договор великого князя литовского Ольгерда и князя Кейстута с ливонским отделением Тевтонского ордена о создании зоны, свободной от действий разбойничьих банд. Рига, 7 ноября 1367 г. («*рах латрунцилорит*»).

Подл.: *Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Dok. perg. nr 4526.*

Публ.: 1. Dogiel M. *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1759. T. 5. № 56. P. 78 (по подлиннику).* – 2. *Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch* (далее – LUB). Bd. 2. / Hg. von F. G. von Bunge. Reval, 1855. № 1041. Sp. 772–773; Reg. № 1233. S. 185 (по подлиннику). – 3. *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai / Par. S. C. Rowell. Vilnius, 2003. № 81. P. 302–303 (по старым изданиям).* – 4. [Лицкевич, с. 104–107] (по фотоконии подлинника). – 5. 1367.[XI.07], *Dominica die ante festum Martini Pontificis gloriosi. Рига. Магистр Тевтонского ордена в Ливонии Вильгельм фон Фриммерсгейм и ландмаршал Андреас фон Штенберг заверяют договор, заключенный с королями Литвы Ольгердом и Кейстутом...* [Электронный ресурс]. URL: <http://starbel.by/dok/d041.htm> (дата обращения: 06.02.2020) (по фотоконии подлинника).

Пометка на обороте: Задви[нь]ский [сконьч] | алный грамоты [с Воло] | димеромъ.

Запись длиной две с половиной строки помещена на обороте грамоты, в левом нижнем «квадрате», образованном линиями сгиба², размеры которого – 9,5 × 6,8 см. В тогдашних архивах документы хранились в сложенном виде; получившийся «конверт» предохранял не только текст, оказывавшийся внутри его, но и печати, привешенные на пергаменных полосках или витых шнурках из шелковых нитей: такой способ хранения позволял вложить печати документа внутрь «конверта» и тем самым сохранить и сами печати, и их связь с документом, который они удостоверяли. «Квадрат», в котором помещена рассматриваемая запись, возник в результате первоначального складывания пергаменного листа. На первый взгляд кажется, что запись выполнена неуверенно, дрожащей рукой. Однако в действительности дело в том, что писец писал по неровной поверхности, пытаясь уместить слова и их части на отведенном ему «квадрате». Все это важно учитывать для правильного прочтения записи: часть ее повреждена влагой, и некоторые буквы можно прочесть более или менее уверенно лишь в ультрафиолетовом освещении.

Текст документа выдержал несколько изданий, но единственным, кто воспроизвел интересующую нас запись, оказался белорусский историк О. В. Лицкевич. В издании 2010 г. он отнес ее к XIV в., прочел следующим образом: «Задви...кий ... | атный грамоты ... | димеромъ» и предложил реконструкцию: «Задвинский ратный грамоты Владимиромъ» [Лицкевич, с. 106]. В онлайн-публикации чтение было дополнительно уточнено: «Задви[нс?] кий [р?] | атный грамоты [Воло] | димеромъ»³. Однако все эти реконструкции и уточнения

² Принимаю термин «квадрат» вслед за А. И. Грушей (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Отв. ред. А. А. Хорошкевич; Подгот. С. В. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. М., 2015. Т. 1. С. 36–37), несмотря на некоторую его условность: строго говоря, линии сгибов образовывали четырехугольники разной формы.

³ 1367.[XI.07], *Dominica die ante festum Martini Pontificis gloriosi...*

делались не по подлиннику, а по цифровым копиям документа. Уже сравнение этих прочтений с репродукцией документа в той же онлайн-публикации оставляет ряд вопросов: почему лишь первая буква слова «ратный» была оставлена в конце строки, а остаток слова помещен на следующей строке? Какой длины и почему должен быть в таком случае пробел после слова «задвинский»? Что такое «ратные грамоты»? Почему имя «Володимеромъ» написано без предлога и в творительном падеже? Внести ясность в вопрос о чтении текста записи позволило изучение подлинника в ультрафиолетовом освещении, осуществленное мною в ноябре 2018 г. Поскольку оно из-за отмеченной особенности вызвало некоторые затруднения, его стоит рассмотреть внимательнее.

Начало записи достаточно уверенно читается как «Задвински...» (причем расстояние между «ь» и «с» – увеличенное: 6 мм вместо обычных 2 мм, реже 3 мм между буквами). Наиболее ожидаемым чтением первых полутора строк поначалу кажется «Задвински доконч|алный». Однако в следующей букве после «ски» гораздо больше оснований видеть «и», чем «д»: место над ней немного заплыло чернилами в форме треугольника (причем с неясными краями – в этой части не видно очертаний буквы), а не квадрата, как можно было бы ожидать, если бы пятно повторяло форму верхней части этой буквы, будь она написана так же, как в последней строке. Далее в верхней части строки видна как будто верхняя часть окружности – либо «с», либо недописанная снизу «о» (нижняя часть этой строки здесь не повреждена). За ней следует очень широкая «к», левая и правая части которой отстоят друг от друга на 2 мм (против 1 мм в слове «задвинский»). Затем уверенно читается «о», затем «н» или же «м», написанная очень небрежно по сравнению с однозначно читаемыми примерами в той же пометке. Затем, после отступа примерно в 3 мм, почти у линии вертикального сгиба, служащего правой границей «квадрата», на первый взгляд читается буква, по написанию напоминающая «е» в последней строке, а за ней примерно посередине строки, у самого сгиба, видно некое подобие точки. Благодаря обработке и увеличению в программе «Picasa» цифровой фотографии этого места, сделанной в ультрафиолетовом освещении, выяснилось, что здесь читаются буквы «ь» и «ч», причем «ь» сильно наклонен вправо: писцу не удалось вывести его петлю в виде квадрата, как ниже; буква же «ч» сильно наклонена влево, так что левая половина ее чаши как бы выходит из середины ножки «ь», при этом сама «ч» просматривается в виде довольно тонкой линии. Дальнейшая часть записи читается достаточно отчетливо: не просматривается лишь первая «о» в слове «Володимеромъ».

Итак, полностью запись выглядит следующим образом: «Задви[нь]ские [сконьч]|алный грамоты [с Воло]|димеромъ»⁴. Когда она могла быть сделана?

Договор 1367 г. ограничивал деятельность парамилитарных банд «разбойников»⁵ на участке литовско-ливонского пограничья от Иксюля, где кончался «мир Стирпейки», то есть мирная зона, установленная переговорами этого литовского нобиля: она шла по Западной Двине, а оттуда по р. Эглайне – и, по-видимому, по р. Илуксте, не упомянутой в тексте, – на юго-запад до Виденишек (ныне деревня в Молетском районе Литвы) [Ліцкевіч, с. 107]. Все географические объекты, упомянутые в тексте договора, находятся с литовской стороны Западной Двины; прилагательное «задвинские», очевидно, употреблено здесь в значении «ливонские»: ср. именование ливонского магистра Тевтонского ордена «местерь (мештерь) задвинский»⁶. С литовской стороны договор был заключен от имени Ольгерда и Кейстута, причем от имени Ольгерда действовали князья Владимир Ольгердович, Стирпейко и Войшвилт, под именем которого впоследствии был известен отрезок литовско-ливонской

⁴ Это чтение отражено в: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2019. Т. 12. С. 12, 425.

⁵ См. о них исследования Дарюса Баронаса: [Baronas, Dubonis, Petrauskas, p. 267–273; Baronas].

⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. № 55, 65.

границы⁷. Грамота ливонской стороны осталась в литовском великокняжеском архиве, а после заключения унии с Польшей попала в краковский Коронный архив⁸, а значит, договор не был расторгнут: описанная в нем процедура его расторжения предусматривала возвращение грамот выдавшим их сторонам. Как можно заключить из приведенных свидетельств XV–XVI вв., имя Владимира Ольгердовича, в отличие от Войшвилта и Стирпейки, в контексте литовско-ливонской границы ничего не говорило позднему наблюдателю. Но современник заключения договора, оставивший древнерусскую запись, мог идентифицировать его именно по князю Владимиру («тот договор, в заключении которого участвовал князь Владимир») – возможно, потому, что православный сын Ольгерда от брака с витебской княжной был ближе ему в культурном отношении, чем литовцы-язычники Кейстут, Войшвилт и Стирпейко [Tęgowski, s. 81–84; Кузьмин; Лицкевич, с. 107; Петраускас, с. 106]. Все это вместе с архаичным почерком записи дает основания считать, что она сделана в скором времени после заключения договора, во всяком случае, в последней трети XIV в.⁹

2. Присяжная грамота князя луцкого Федора Любартовича королю польскому Владиславу II Ягайлу, королеве польской Ядвиге и Короне Польского королевства. Сандомир, 22 мая 1386 г.

Подл.: Biblioteka XX. Czartoryskich (BCz). Dok. perg. nr 197 (vol. I/35).

Публ.: 1. Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1848. № 210. P. 507–508 (по списку с подлинника). – 2. [Stadnicki, s. 122, przyr. 178] (по 1-й публикации). – 3. Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. T. 1. 1366–1506 / Wyd. Z. L. Radzimiński, P. Skobielski, B. Gorczak. № 3. S. 2–3 (по подлиннику). – 4. Akta unji Polski z Litwą / Wyd. St. Kutrzeba i W. Semkowicz (далее – AUPL). Kraków, 1932. № 13. S. 10–11 (по подлиннику).

Рез.: Szelińska W., Tomaszewicz J. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Kraków, 1975. Cz. 1. № 220.

Пометка на обороте: Се грамота Федорова | княза Любартовича.

Чтобы уточнить датировку записи на присяжной грамоте Федора Любартовича, стоит напомнить основные моменты его биографии¹⁰. От своего отца, политического должителя Дмитрия-Любарта, умершего в 1383 г. [Крысько, с. 37], Федор унаследовал обширное и богатое Луцкое княжество на Волыни. Еще 25 марта 1386 г. Федор Любартович, задержавшийся в Кракове после торжеств по случаю женитьбы Ягайла и Ядвиги, действовал как полноправный

⁷ См. упоминания в литовско-ливонском договоре о границе 1473 г. («versus m[edium] granicierum et limitum [vulgo ap]pellatorum Woyschwilti»), в привилее Александра Ягеллона 1499 г. («на Немецкои границы на рече Сюсяи, на Воишвилтовои границы, которую ж границу положил Воишвилть Сюсяю рекою промежи отчины нашео Великого Князства и земли Лифля[н]тское за предковъ наших»), в описании литовско-ливонской границы 1545 г. («Fines Woiszwildi anno 1545 designati et conscripti... Hi sunt fines Magni Ducatus Lithuaniae necnon Livoniae, qui Woischwildi dicuntur») и акте ее делимитации 1584 г. («Tamże z strony possessorow imion Oscikowskich opowiadali się, iż granica Woisswilska po rzeke Susaie...») (LUB. Bd. 13. / Bearb. von M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser. Köln; Weimar; Wien, 2018. № 153; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2007. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. № 337; [Čelkis, Antanavičius, p. 169; Wojtkowiak, 1989, s. 272]). Не касаюсь здесь споров о локализации литовско-ливонской границы [Wojtkowiak, 2010; Čelkis, Antanavičius; Varanauskas; Лицкевич, 2021].

⁸ См. упоминание в инвентаре Краковского коронного архива Мартина Кромера 1551 г.: AGAD. Nabytki niedokumentowe Oddziału I. Sygn. 30. K. 46 (ошибочно под 1363 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.postdiploma.pl/img/KROMER/pages/PL_1_420_30_0046.html (дата обращения: 06.02.2020).

⁹ Другой возможный вариант датировки записи – около 1390 г., когда комтур Дюнабурга Бернхард Хёфельман от имени ливонского отделения Ордена заключил со Скиргайлом прелиминарный договор «о разбойниках» (Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki (далее – CESXV). Cracoviae, 1891. (Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12). № 18; [Лицкевич, с. 65]), а стало быть, договор 1367 г. приобрел актуальность.

¹⁰ Они приводятся по специальной работе [Келембет, 2018], отмечаются лишь важнейшие для нашей темы источники и необходимые дополнения.

луцкий князь – разрешал подданным мужа своей сестры Анны, опавского князя Пржемка, беспошлинно торговать в своих владениях [Starý, s. 64], а 22 мая в Сандомире присягал Ягайлу, Ядвиге и Короне Польского королевства на верность. Но уже осенью на Вольни распорядился Ягайло, а Федору из его бывших владений осталось лишь Владимирское княжество. В мае 1393 г. он присягнул Ягайлу как князь Северной земли¹¹, но и здесь задержался ненадолго: в 1397 г. мы видим его вместе с королевским братом Свидригайлом в Венгрии, откуда князья пытались завязать контакты с руководством Тевтонского ордена. Вскоре, однако, Федор вернулся к Ягайлу и получил от него владения в коронной Руси, которые держал еще несколько десятилетий, при этом не забывая о своем волынском наследии, оказавшемся под властью Витовта¹². Сразу же после смерти Витовта, как только между польским королем Владиславом Ягайлом и новым великим князем литовским Свидригайлом разгорелся конфликт, затронувший и польско-литовское пограничье, Федор Любартович включился в него на стороне короля, задержанного братом в Литве¹³. Летом 1431 г., когда конфликт перерос в открытую и крупномасштабную войну, Ягайло попытался опереться на Федора Любартовича, пожаловав ему княжество с центром в занятом польскими войсками и сожженном Владимире. Но примерно через месяц после его взятия Федор Любартович умер, не оставив мужского потомства. Это похоронило планы Ягайла и его окружения по долговременному подчинению западной части Вольни.

Как видим, деятельность Федора Любартовича очень хорошо освещена документами, часть их сохранилась в подлинниках, но древнерусская пометка имеется лишь на одном из них; характерно, что подобной пометки нет ни на его латинской грамоте 1393 г., ни на присяжных грамотах других Гедиминовичей конца XIV – начала XV в. Пометку сделал писец, знакомый с древнерусской дипломатикой: на это указывает вводное слово «Се» в начале записи, избыточное с точки зрения ее смысла, но характерное для зачина древнерусских грамот или их разделов, а изредка даже начинавшее легенды печатей¹⁴. С другой стороны, писец знал содержание грамоты; в своей записи он ничего о нем не сообщил, а отметил лишь предмет своего интереса – имя юридического автора, Федора Любартовича. Все это позволяет думать, что пометка на грамоте была сделана вскоре после ее выдачи, возможно, в связи с переходом власти над Луцком к Владиславу Ягайлу.

3. Поручная грамота рижского бюргера Германа Дасберга перед князем трокским, менским и полоцким Иваном Скиргайлом за рыцарей Тевтонского ордена. Менск, 6 июня 1393 г.

Подл.: BCz. Dok. perg. nr 239 (Vol. I/45).

Публ.: CESXV. T. 2. № 20. S. 25 (по подлиннику).

Рег.: Szelińska W., Tomaszewicz J. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Kraków, 1975. Cz. 1. № 270.

Пометка на обороте: За вси рыдел(и) оу Менскоу.

Как и в предыдущем случае, автору записи было ясно, что перед ним – поручная грамота, и он не счел нужным отметить это, равно как и имя поручителя. Интерес представляли

¹¹ AUP. № 33, 34. Обе грамоты, латинская и древнерусская, сохранились в подлинниках: BCz. Dok. perg. nr 241, 248 (Vol. I/43, 44).

¹² Ср. его титул в документе 1423 г.: «ducis Feduschkonis Wlomidiriensis et Striowiensis etc.» (публ. по подлиннику: Zbiór dokumentów małopolskich. Wrocław i in., 1975. Cz. 7. № 1937). См. также: [Szyszka, s. 139–142; Келембет, 2020].

¹³ Об этом в самом начале 1431 г. вратиславский каноник Томас Мас писал неназванному клирику – вероятно, аугсбургскому епископу Петеру фон Шаумбергу: «...Hertzog Fedusko, der under dem konige zu Polan sitzet, crieget ytzund allzit mit dem lande zu Lawtzk, daz zu dem Grossen Furstenthum gehort gen Litwan, und die Polan im helffen» (Bayerische Staatsbibliothek. Clm 22372. Fol. 467). Я готовлю комментированную публикацию этого письма.

¹⁴ [Золтан, с. 19–26]; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2016. Т. 11. С. 98–99; [Берединов, стб. 54 и табл. III; Янин, с. 207; Янин, Гайдуков, с. 200].

другие моменты – за кого принесена порука и где выдана грамота. В первой части записи ее автор осмыслил поручительство за «почтенных и благочестивых мужей, господ... Немецкого ордена Святой Марии» («honorabiles et religiosos viros, dominos... ordinis Sancte Marie Theutonicorum»), употребив привычное ему слово – «за вси рыдел(и)», как на Руси называли рыцарей Тевтонского ордена¹⁵. По всей видимости, это были участники одного из литовско-орденских столкновений, произошедших незадолго до этого¹⁶. Вторая же часть записи, «оу Менскоу», свидетельствует о знакомстве ее автора с практикой территориальной мобильности князя Скиргайла, который к моменту поручительства уже утратил Троки, но все еще распоряжался в своих менских и полоцких владениях: в данном случае его пребывание в Менске послужило отличительной чертой грамоты. Сохранились сведения о нескольких поручительствах, принесенных Скиргайлу в апреле-мае 1393 г.¹⁷ В позднейших источниках эти дела не упоминаются. Все это позволяет заключить, что запись была сделана по горячим следам, пока Скиргайло еще не удалился к королевскому двору, где его пребывание фиксируется с осени 1393 г.¹⁸

Если приведенные соображения верны, то получается, что рассмотренные дорсальные записи на латинских грамотах были сделаны писцами двух или трех разных правителей – короля польского Владислава II Ягайла, князя трокского, менского и полоцкого Ивана Скиргайла, а возможно, и их отца, великого князя литовского Ольгерда. Делались они не в рамках систематизации всего архива или какой-то его части¹⁹, а *ad hoc*, исходя из заинтересованности в конкретном документе в определенный момент. Хотя таких записей сохранилось совсем немного, они свидетельствуют об общей тенденции развития отношения к документу во владениях Гедиминовичей – их русские писцы хотели облегчить ориентацию в накопленном массиве иноязычных документов, выделив из него те, что нужны «здесь и сейчас».

О том, что представляли собой архивы литовских князей второй половины XIV в., можно судить по нескольким упоминаниям в источниках. По свидетельству «Летописца великих князей литовских», заняв Вильну в 1381 г., Кейстут «иметь князя великого Ягайла и со братиею и с матерью, и грамоты и найдеть, што з немьци записался»; после этого он вызывает к себе Витовта и показывает ему эти грамоты в доказательство злых намерений Ягайла²⁰. В сентябре 1385 г. участникам орденской рейзы в Литву удалось захватить брошенную Скиргайлом суму с серебряными сосудами, «его русскими привилеями, скрепленными свинцовыми

¹⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2013. Т. 10. С. 509; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 274.

¹⁶ Из братьев Ордена, за которых поручился Дасберг, в источниках конца XIV – начала XV в. упоминаются Фридрих фон Хунсбах (Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum. P. 1–2, Register / Bearb. von E. Joachim, W. Hubatsch. Göttingen, 1948–1973. Pars 1. № 3646; Pars 2. № 1824), Томас фон Мерхайм (Ibid. Pars 2. № 1423, 1524, 1614, 1623–1625) и Иоганн фон Позерн (обо всех троих см.: Das grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens / Hg. von W. Ziesemer. Danzig, 1921, по указ.), из их родственников – Эберхард фон Ниппенбург, Иоганн фон Поммерсхайм и Вальрабе фон Хунсбах [Neckmann, по указ.].

¹⁷ [Лицкевич, 2010, с. 13–14]; Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. С. 670–671.

¹⁸ См. по указ.: Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1896. Т. 15. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / Wyd. F. Piekosiński; Rachunki królewskie z lat 1393–1395 i 1412. Rachunki podrzędstwa krakowskiego. Rachunki stacji nowosądeckiej / Oprac. H. Wajs. Warszawa, 1993.

¹⁹ Первую попытку систематизации Краковского королевского архива предпринял великий коронный канцлер Ян Лаский в начале XVI в., а его древнейшие инвентари были составлены Мартином Кромером и Яном Замойским в середине – второй половине XVI в. [Siemieński; Karwasińska, 1976, s. 235–238; Spieralski, 1979; Spieralski, 1983]. Древнейший инвентарь литовского великокняжеского архива, впрочем, охватывающий лишь часть его документов, относится к 70–80-м гг. XVI в. [Груша, с. 424–428; Dubonis, Antanavičius, Ragauskienė, Šmigelskytė-Stukienė; Лагушкін, 2017а; Лагушкін, 2017б].

²⁰ ПСРА. М., 1980. Т. 35. С. 62.

печатями», и другими вещами²¹. На переговорах с великим магистром Тевтонского ордена Конрадом Цёлльнером фон Ротенштейном в апреле 1388 г. [Szweda, s. 357–359] Ягайло через своих представителей заявлял, что, став великим князем литовским, он осмотрел все ящики с драгоценностями своего покойного отца (Ольгерда) и нашел там буллы папы римского, императора Священной Римской империи и многих королей и князей, призывавшие Ягайла и его предков креститься²². Судя по этим свидетельствам, грамоты хранились в казне правителя, могли путешествовать вместе с ним, в них каким-то образом можно было сориентироваться, в чем князьям, очевидно, помогали слуги, умевшие читать. К сожалению, мы не знаем, каким образом сами они ориентировались в содержании этих документов: на большинстве их нет дорсальных пометок старше конца XIV – начала XV в., а ранние инвентари этих «архивов» неизвестны, да и вряд ли они тогда составлялись. Тем не менее документы использовались: в двух случаях из трех рассказывается о том, как князь, обнаружив в «архиве» те или иные грамоты, делает определенные умозаключения. Подобным образом выглядели «архивы» князей и королей из династии Пястов вплоть до XIV в., в особенности до вступления на престол Казимира III в 1339 г. [Węcowski, s. 372–381].

О попытках систематизации архивов в соседних с Литвой странах, на Руси и в Польше, до XV в. приходится судить по пометкам на сохранившихся документах, которые можно датировать лишь приблизительно. Так, в нижней части лицевой стороны духовной грамоты новгородца Климента, завещавшего земли Юрьеву монастырю, имеются следы затертой надписи (второй половины XIII в., по А. А. Гиппиусу), которую можно гипотетически реконструировать: «W[Т] К[Л](имента)» [Анкудинов, с. 5–6]. На немногочисленных подлинных грамотах из архива Юрьева монастыря таких записей нет²³. Более информативны дорсальные пометки, которыми снабжены подлинники dokonчаний Новгорода с великими князьями владимирскими, активно использовавшиеся вплоть до падения самостоятельности Новгорода²⁴. Их палеография соответствует этому периоду, то есть они были сделаны до того, как грамоты попали в московский великокняжеский архив в конце XV в.; как установил А. А. Гиппиус, одна из них, на грамоте 1268 г., принадлежит перу Тимофея, пономаря церкви Св. Иакова и автора новгородской владычной летописи за 1228–1274 гг. ([Гиппиус, с. 70–71, 79]; см. также: [Кучкин, 2003, с. 93]). По содержанию они близки рассмотренным выше пометкам. Краткими дорсальными пометками о содержании – судя по палеографии, конца XIV – начала XV в. – снабжены древнейшие завещания московских князей [Кучкин, 2008а, с. 108; Кучкин, 2008б, с. 131; Кучкин, 2008в, с. 101; Кучкин, 2009а, с. 100; Кучкин, 2009б, с. 112]. Поскольку в этих пометках проставлены номера, они возникли в результате систематизации если не всего московского великокняжеского архива, то какого-то числа его

²¹ Известие приводится у Торнского анналиста: «Evasit Schirigal, sed de suis fuerunt aliqui interfecti et mantica sua cum scutellis argenteis et ciphis et privilegiis suis Rutenicis bullis plumbeis bullatis fuit per nostros recepta, et cum aliis rebus, quas recipientes inter se diviserunt» (Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 137). О дорожной суме с грамотами и драгоценностями, брошенной литовским князем, сообщает также любекский хронист Детмар («waatsakke, darinne weren breve unde klenodde an golde unde an sulver» (Ibid.)).

²² «...Do unser vater vorscheiden was, do wir ein erbeling worden des Obersten Furstentums czu Littowen, do suchte wir und sagen alle dy schrin und kasten der schaccze des vorgeantens unsers vaters unde funden in beheldnisse eczlicher bullen des allirheilgesten in Gote vaters des Romischen babstes und ouch bullen des Romisschen keisers und viler koninge und fursten, di unser vorfarnde und uns manende doran hilden, das wir di heilge touffe und den glowben des waren Gots czu uns entfingen» (Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 714; текст уточнен по рукописи: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv). OF 1b. Bl. 28v).

²³ За сведения об этом, собранные при подготовке нового издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова», благодарю И. Ю. Анкудинова.

²⁴ ГВНП. № 2, 3, 5, 9, 10, 11, 14, 15.

грамот. Все эти пометки составлены на том же языке, что и сами грамоты. Несколько более сложная картина вырисовывается в результате знакомства с материалами, хранившимися в архивах Польши и Литвы, где уже в XIV в. взаимодействовали традиции латинской Европы и Руси. На документах Краковского коронного архива краткие латинские пометки делались, возможно, уже в конце XIV в., а во всяком случае, в первой половине XV в., да и впоследствии [Sułkowska-Kurasiowa, 1975, s. 30; Węcowski, s. 397]²⁵. Вероятно, к XV в. относятся латинские пометки на древнерусских грамотах о Молдавии коронного архива XIV–XV вв.²⁶ На документах литовского великокняжеского архива XV в. известны как латинские²⁷, так и кириллические пометки²⁸, которые можно отнести к тому же столетию. Латинские пометки на немецкоязычных договорах Тевтонского ордена с Ягайлом 1382 г.²⁹, Скиргайлом 1388 г.³⁰ и 1390 г.³¹ и жалованных грамотах верховного маршала Ордена Конрада фон Валленрода жомойтским нобилям Гирстовту и Сиртовту³² можно с большой долей вероятности отнести к концу XIV в. Они аналогичны рассмотренным выше древнерусским пометкам, поскольку делались, скорее всего, *ad hoc*³³ и поясняли содержание иноязычных документов на языке, более понятном хранителям и пользователям этих документов³⁴.

Как справедливо отметили ученые, отношения Руси и Литвы с их соседями были той сферой, где быстрее всего развивалась и утверждала свои позиции документальная письменность. Представляется неслучайным, что рассмотренные древнерусские дорсальные записи дошли до нас на договоре литовских князей-язычников с сановниками Тевтонского ордена, присяжной грамоте православного Гедиминовича польской королевской чете и Короне Польского королевства – утверждавшемуся тогда на венгерский манер наименованию государства, не связанного с личностью правителя, и поручной грамоте рижского бюргера за рыцарей Тевтонского ордена перед православным литовским князем. Говоря о взаимодействии западной (латинской) и древнерусской культур в канцеляриях Польского королевства и Великого княжества Литовского, исследователи обычно сосредотачиваются на латинском влиянии в сфере формуляра документов, реже – на палеографии. Но для того, чтобы такое влияние возникло, хотя бы одна из сторон должна была понимать, что написано в иноязычных документах. К сожалению, мы не знаем, каким образом при необходимости преодолевалось разделение труда между «русским» и «латинским» или «латинско-немецким» отделами,

²⁵ Перечисленные П. Венцовским пометки, сводящиеся к указанию года римскими цифрами вдоль края грамоты, исследователи обычно относят к концу XIV – началу XV в. Но если считать, что они делались одновременно, то их нанесение следует датировать временем не ранее 1420 г.: к этому году относится самая поздняя из известных мне грамот коронного архива с такой пометкой (AGAD. Dok. perg. nr 4449).

²⁶ AGAD. Dok. perg. nr 5308, 5325, 5326, 5328. Ср. об особом значении молдавских документов в Краковском коронном архиве: [Karwasińska, 1956; Węcowski, s. 396–400].

²⁷ Например, на земском привилее Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. (AGAD. Dok. perg. nr 7267).

²⁸ Например, на экземплярах договора с молдавским господарем 1442 г. кириллицей проставлен год «от Сотворения мира» (AGAD. Dok. perg. nr 7290, 7291).

²⁹ «Concordia quedam temporalis inter quosdam comendatores et Jagelum et Skirgal. Registrata» (BCz. Dok. perg. nr 185. Vol. VII/3). Публикация текста: CESXV. Т. 2. № 1 (здесь пометка датирована XV в.).

³⁰ «Marsalcus et magnus commendator Ordinis suscipiunt captivos ad suam manum, qui ex suis in Lituania sunt caventes pro eisdem» (AGAD. Dok. perg. nr 24). Публикацию текста договора с переводом и неточным прочтением этой записи см.: [Лицкевич, с. 114–116].

³¹ «Promittit Bernhardus commendator reddere litteras super pace factas principi Skirgal» (BCz. Dok. perg. nr 222. Vol. I/39). Публикация текста: CESXV. Т. 2. № 18.

³² Пометки на обоих документах идентичны: «Conceduntur bona paterna cuidem Sirtaut per Cunradum marsalcum Ordinis» (AGAD. Dok. perg. nr 851, 873). Публикация и анализ текстов: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6). № 14; [Лицкевич, с. 122–123].

³³ Впрочем, сокращение «Registrata» на договоре 1382 г., написанное той же рукой, что и пометка о содержании, скорее всего, указывает на его внесение в инвентарь. Поскольку отмеченные латинские пометки принадлежат всё той же руке, это может указывать на попытку инвентаризации документов конца XIV в. о взаимоотношениях Литвы с Тевтонским орденом.

³⁴ О проблемах с немецким языком в польской королевской канцелярии, где преобладала латынь, а также среди писцов польских старост см.: [Szweda, s. 139–146, 150–154, 168–176].

которые существовали и в польской королевской, и в литовской великокняжеской канцеляриях [Kosman, 1969; Sułkowska-Kurasiowa, 1977; Szybowski; Груша, с. 350–382; Polechow] – например, когда один и тот же князь выдавал поручные грамоты и на латыни, и на древнерусском. В какой-то мере оно сглаживалось существованием двуязычных документов и выдачей грамот одного и того же юридического содержания на разных языках³⁵. О значении языкового барьера в регионе ярко свидетельствует случай 1511 г., когда киевскому католическому епископу-электу Моисею пришлось просить короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Старого выдать киевскому доминиканскому монастырю Св. Николая «выпис по руску» латинского привилея его покойного брата и предшественника Александра Ягеллона, «жебы воевода киевский нинешний и потом будущий и вси кн(я)зи и панове и земляне земли Киевское и мещане, звичаю писма латинског(о) не меючи, по той ся копеи того привилея справляли и тот кляштор С(ве)тог(о) Миколая при тых доходах заховали, бо поведил нам кн(я)з Моизеш, штож коли с[я] ткнет тых доходов кляшторских, в том привилеи латинском выписаных, ино деи тамошние подданные н(а)ши, посполите писма латинского не вмеючи чести, и не хотят тым члонком, в том привилеи выписаном, верыти»³⁶. Одним из способов преодоления языкового барьера во второй половине XIV в., на начальном этапе активного взаимодействия русской и латинской культур, стали рассмотренные в этой статье дорсальные записи.

Литература

- Анкудинов И. Ю. Новые материалы о духовной грамоте Климента XIII в. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2013. Вып. 11. С. 3–7.
- Бередицков Я. И. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, представленная Второму отделению Академии наук // Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. 1845. Т. 2. № 4, 5. Стб. 49–60, [6] л.
- Гиттиус А. А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике XIII века // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. М., 1992. Вып. 25. С. 59–86.
- Груша А. И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.). М.; СПб., 2019. 608 с.
- Золтан А. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014. 222 с.
- Келембет С. Федір-Федот (Федюшко) Любартович, князь луцький і володимирський, державця сіверський // Сіверянський літопис. 2018. № 6. С. 13–38.
- Келембет С. Князь Федір (Федюшко) Любартович: володіння в коронній Русі та їх державно-правовий статус // Український історичний журнал. 2020. № 4. С. 4–20.
- Крысько В. Б. Запись писца в Луцкой Псалтири 1384 года // Крысько В. Б. Очерки по истории русского языка. М., 2007. С. 33–41.
- Кузьмин А. В. Владимир (Василий) Ольгердович // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 688–690.
- Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. 366, [1] с.

³⁵ Это присяжные грамоты Лугвеня 1389 г. (AURL. № 25–28) и Федора Любартовича 1393 г. (Ibid. № 33, 34), договоры Тевтонского ордена – Салинский с Витовтом 1398 г. (Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Marburg, 1970. Bd. 1 (1398–1437). 2. Aufl. / Hg. von E. Weise. № 2) и Мариенбургский со Свидригайлом 1402 г. (Ibid. № 10, 11). Впрочем, судя по записям в инвентаре Краковского коронного архива Яна Замойского, две присяжные грамоты Федора Любартовича 1393 г., латинская и древнерусская, были скреплены ремешком одной и той же печати с изображением льва: «Litterae binae Latinae et Russicae eodem exemplo simul obsignatae, cum sigillo leonis in cera simplici» (AGAD. Archiwum Zamoyskich. Rkps 33. S. 367, 425); при этом пометки имеются лишь на обороте древнерусской грамоты. См. также о проблеме латинских и немецких экземпляров документов Рацёнжского договора: [Nowak].

³⁶ Lietuvos Metrika. Vilnius, 2002. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz; tekstus lietuvių k. – A. Baliulis. № 564; [Pietkiewicz, s. 123].

- Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 95–108. [Кучкин, 2008а]
- Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 129–132. [Кучкин, 2008б]
- Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 97–101. [Кучкин, 2008в]
- Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 93–100. [Кучкин, 2009а]
- Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Январь 1372 г. – Первая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 110–113. [Кучкин, 2009б]
- Латушкін А. М. Аднаўленне цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў канца XIV – пачатку XVII ст. архіва Вялікага Княства Літоўскага: пастаноўка праблемы // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 4. С. 98–107. [Латушкін, 2017а]
- Латушкін А. М. Рээстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў канца XIV – пачатку XVII ст. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2017. Вып. 18. С. 247–264. [Латушкін, 2017б]
- Лицкевич О. В. Документы по истории Менской земли за 1386–1393 гг. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4–5 верасня 2009 г. Мінск, 2010. С. 8–15.
- Лицкевич О. В. Граница между ВКЛ и Ливонией от озера Курцума до Западной Двины в XIV–XV вв. // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 426–428.
- Лицкевич А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) // Arche. 2010. № 10. С. 39–123.
- Петраускас Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). С. 95–116.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. 366, [1] с.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. 496 с.
- Baranauskas T. Sėla XIII – XV amžiais // Sėlos aktai. Acta Seloniae / Parengė, vertė ir komentavo T. Baranauskas. Pasvalys; Joniškis, 2015. P. 4–15.
- Baronas D. Działalność paramilitarnych band rozbójniczych na pograniczu krzyżacko-litewskim w XIV wieku // Rocznik Lituanistyczny. Warszawa, 2015. T. 1. S. 7–17.
- Baronas D., Dubonis A., Petrauskas R. Lietuvos istorija. Vilnius, 2011. T. 3. Valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. 615 p.
- Čelkis T., Antanavičius D. 1545 m. Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) // Lietuvos istorijos studijos. 2011. T. 27. P. 164–178.
- Dubonis A., Antanavičius D., Ragauskienė R., Šmigelskytė-Stukienė R. Susigrąžinant praeitį. Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai. Vilnius, 2017. 287, [1] p.
- Heckmann D. Amtsträger des Deutschen Ordens in Preußen und in den hochmeisterlichen Kammerballeien des Reiches bis 1525. Dostojnicy zakonu niemieckiego w Prusach i baliwatach kamery wielkomistrzowskiej w Rzeszy do 1525 roku. Toruń, 2020. 615, [1] s.
- Karwasińska J. Poprzednicy inwentaryzatorów Archiwum Koronnego // Odrodzenie w Polsce. Warszawa, 1956. T. 2. Historia nauki. Cz. 1. S. 391–392.
- Karwasińska J. Złote bulle Karola IV w sprawie chrztu Litwy // Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. S. 233–249.

- Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda // *Archeion*. Warszawa, 1967. T. 46. S. 129–138.
- Kosman M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda // *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1969. T. 14. S. 91–119.
- Nowak P. Dokumenty pokoju w Raciążku z 1404 roku // *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa, 2002. T. 40. S. 57–77.
- Pietkiewicz K. Uwagi o dokumencie łacińskim w praktyce kancelarii litewskiej Aleksandra Jagiellończyka // *Praeities pēdsakais. Skiriami Profesoriaus daktaro Zigmanto Kiaupos 65-mečiui*. Vilnius, 2007. P. 119–134.
- Polechow S. Rahoza. Przyczynek do dziejów kancelarii i dworu wielkich książąt litewskich w epoce Witolda // *Studia z Dziejów Średniowiecza*. Gdańsk, 2019. T. 23. S. 199–215.
- Ragauskienė R. Dingę istorijoje. XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. 366 p.
- Siemieński J. Archiwum Koronne przed Kromerem // *Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń PAU*. Wydział Historyczno-Filozoficzny. 1934. Nr 2. S. 16–18.
- Spierski Z. Z dziejów Archiwum Koronnego Krakowskiego. Kopiarz Jana Łaskiego (około 1505 roku). Cz. 1 // *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1979. T. 24. S. 109–138.
- Spierski Z. Z dziejów Archiwum Koronnego Krakowskiego. Kopiarz Jana Łaskiego (około 1505 roku). Cz. 2 // *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1983. T. 27. S. 147–161.
- Stadnicki K. Synowie Gedymina. Lwów, 1853. T. 2. Lubart xiążę wołyński. [4], 269, [1], XXXI s., [4] k.
- Starý M. Anna “von der Luczka” (K původu první manželky vévody Přemysla I. Opavského) // *Genealogia ac heraldica Bohemica*. Sborník příspěvků z odborné konference pořádané Českou genealogickou a heraldickou společností v Praze ve dnech 28.–29.4.2001 na zámku Nečtiny. Praha, 2002. S. 57–65.
- Sułkowska-Kurasiowa I. Archiwum Koronne Krakowskie // *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie*. Przewodnik po zespolach. Warszawa, 1975. T. 1. S. 29–40.
- Sułkowska-Kurasiowa I. Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów (1370–1444). Warszawa, 1977. 286, [8] s.
- Szende K. The Uses of Archives in Medieval Hungary // *The Development of Literate Mentalities of East Central Europe*. Turnhout, 2004. P. 107–142.
- Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009. 465 s.
- Szybowski S. Kancelaria wielkiego księcia Witolda w dobie wielkich konfliktów z zakonem krzyżackim w latach 1409–1422. Organizacja, zadania, personel // *Kancelaria wielkich mistrzów i Polska kancelaria królewska w XV wieku*. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Malbork, 2–3 IX 2004. Malbork, 2006. S. 299–318.
- Szyszka J. Formowanie i organizacja dóbr monarszych w ziemi lwowskiej od połowy XIV do początku XVI wieku. Kraków, 2016. (Maiestas. Potestas. Communitas. T. 5). 568 s., [3] tab.
- Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka Genealogiczna. T. 2). 319, [1] p.
- Węcowski P. Skarbiec pamięci. Archiwum monarsze w Polsce do początków XVI wieku // *Przeszłość w kulturze średniowiecznej Polski*. Warszawa, 2018. T. 1. S. 369–418.
- Wojtkowiak Z. Delimitacja litewsko-kurlandzka z 1584 roku // *Lituanio-Slavica Posnaniensia*. *Studia Historica*. Poznań, 1989. T. 3. S. 267–276.
- Wojtkowiak Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. „*Limites Inter Litvaniam et Livonia*“ z 1473 r. // *Poznań – Wilno*. *Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego*. Poznań, 2010. S. 213–270.

References

- Ankudinov, I. Yu. Novye materialy o dukhovnoi gramote Klimenta XIII v. [New Materials on the Clement's Testament of 13th Century]. In *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*. Velikii Novgorod, 2013. Issue 11. Pp. 3–7.
- Baranauskas, T. Sėla XIII – XV amžiaus. In *Sėlos aktai. Acta Seloniae*. Parengė, vertė ir komentavo T. Baranauskas. Pasvalys; Joniškis, 2015. P. 4–15.

- Baronas, D. Działalność paramilitarnych band rozbójniczych na pograniczu krzyżacko-litewskim w XIV wieku. In *Rocznik Lituanistyczny*. Warszawa, 2015. T. 1. S. 7–17.
- Baronas, D., Dubonis, A., Petrauskas, R. Lietuvos istorija. Vilnius, 2011. T. 3. Valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. 615 p.
- Berednikov, Ya. I. Zapiska ob otkrytykh v Moskovskom Kremlе drevnostyakh, predstavennaya Vtoromu otdeleniyu Akademii nauk [A Report on the Antiquities Discovered in the Moscow Kremlin, Presented to the Second Branch of the Academy of Sciences]. In *Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg*. 1845. Vol. 2. No. 4, 5. Col. 49–60, [6] tab.
- Čelkis, T., Antanavičius, D. 1545 m. Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita). In *Lietuvos istorijos studijos*. 2011. T. 27. P. 164–178.
- Dubonis, A., Antanavičius, D., Ragauskienė, R., Šmigelskytė-Stukienė, R. Susigrąžinant praeitį. Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai. Vilnius, 2017. 287, [1] p.
- Gippius, A. A. Novye dannye o ponomare Timofee – novgorodskom knizhnikе XIII veka [New Data on Sexton Timofey – a Novgorod Scribe of the 13th Century]. In *Informatsionnyi byulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii po izucheniyu i rasprostraneniyu slavyanskikh kul'tur*. Moscow, 1992. Issue 25. Pp. 59–86.
- Grusha, A. I. Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV – pervaya tret' XVI v.) [A Crisis of Trust? The Appearance and Establishment of a Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (The Late 14th – the First Third of the 16th Century)]. Moscow; Saint Petersburg, 2019. 608 p.
- Heckmann, D. Amtsträger des Deutschen Ordens in Preußen und in den hochmeisterlichen Kammerballeien des Reiches bis 1525. Dostojnicy zakonu niemieckiego w Prusach i baliwatach kamery wielkomistrzowskiej w Rzeszy do 1525 roku. Toruń, 2020. 615, [1] p.
- Karwasińska, J. Poprzednicy inwentaryzatorów Archiwum Koronnego. In *Odrodzenie w Polsce*. Warszawa, 1956. T. 2. Historia nauki. Cz. 1. S. 391–392.
- Karwasińska, J. Złote bulle Karola IV w sprawie chrztu Litwy. In *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa, 1976. S. 233–249.
- Kelembet, S. Fedir-Fedot (Fedyushko) Lyubartovich, knyaz' luts'kii i volodimirs'kii, derzhavtsya sivers'kii [Fyodor-Fedot (Fedyushko) Lyubartovich, Prince of Lutsk and Vladimir, Sovereign of Seversk]. In *Siveryans'kii litopis*. 2018. No. 6. Pp. 13–38.
- Kelembet, S. Knyaz' Fedir (Fedyushko) Lyubartovich: volodinnya v koronnii Rusi ta yikh derzhavno-pravovii status [Prince Fyodor (Fedyushko) Lyubartovich: Possessions in Crown Rus and Their State-Legal Status]. In *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 2020. No. 4. Pp. 4–20.
- Kosman, M. Archiwum wielkiego księcia Witolda. In *Archeion*. Warszawa, 1967. T. 46. S. 129–138.
- Kosman, M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda. In *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1969. T. 14. S. 91–119.
- Krys'ko, V. B. Zapis' pistsa v Lutskoj Psaltiri 1384 goda [The Scribe's Entry in the Lutsk Psalter of 1384]. In *Krys'ko V. B. Ocherki po istorii russkogo yazyka*. Moscow, 2007. Pp. 33–41.
- Kuchkin, V. A. Dogovornye gramoty moskovskikh knyazei XIV veka. Vneshnepoliticheskie dogovory [Treaties of Moscow Princes of the 14th Century. Foreign Policy Treaties]. Moscow, 2003. 366, [1] p.
- Kuchkin, V. A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XIV v. Pervaya dushevnyaya gramota velikogo knyazyia Ivana Danilovicha Kality [Publication of the Testaments of Moscow Princes of the 14th Century. The First Testament of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008. No. 1 (31). Pp. 95–108. [Kuchkin, 2008a]
- Kuchkin, V. A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XIV v. Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazyia Ivana Danilovicha Kality [Publication of the Testaments of Moscow Princes of the 14th Century. The Second Testament of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008. No. 2 (32). Pp. 129–132. [Kuchkin, 2008b]
- Kuchkin, V. A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XIV v. Pervaya dushevnyaya gramota velikogo knyazyia Ivana Ivanovicha [Publication of the Testaments of Moscow Princes of the 14th Century. The First Testament of Grand Duke Ivan Ivanovich]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008. No. 4 (34). Pp. 97–101. [Kuchkin, 2008v]

- Kuchkin, V. A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XIV v. Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Ivana Ivanovicha [Publication of the Testaments of Moscow Princes of the 14th Century. The Second Testament of Grand Duke Ivan Ivanovich]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. No. 1 (35). Pp. 93–100. [Kuchkin, 2009a]
- Kuchkin, V. A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XIV v. Yanvar' 1372 g. – Pervaya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha [Publication of the Testaments of Moscow Princes of the 14th Century. January, 1372 – The First Testament of Grand Duke Dmitri Ivanovich]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. No. 2 (36). Pp. 110–113. [Kuchkin, 2009b]
- Kuz'min A. V. Vladimir (Vasilii) Ol'gerdovich [Vladimir (Vasily) Olgerdovich]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2004. Vol. 8. Pp. 688–690.
- Latushkin, A. M. Adnavlenie tselasnastsi kompleksu aryginalav dzyarzhavna-pravavykh aktav kantsa XIV – pachatku XVII st. arkhiva Vyalikaga Knyastva Litovskaga: pastanovka prablemy [Restoration of the Integrity of the Complex of Originals of State Legal Acts of the Late 14th – the Early 17th Century of the Archive of the Grand Duchy of Lithuania: Problem Statement]. In *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2017. No. 4. Pp. 98–107. [Latushkin, 2017a]
- Latushkin, A. M. Reestr dzyarzhavnaga arkhiva Vyalikaga Knyastva Litovskaga ad 26 listapada 1623 g. i yago znachenne dlya rekanstruktsyi skladu kompleksu aryginalav aktav kantsa XIV – pachatku XVII st. [Register of the State Archive of the Grand Duchy of Lithuania Dated November 26, 1623 and Its Significance for the Reconstruction of the Complex of Original Acts of the Late 14th – the Early 17th Century]. In *Belaruskii arkhografichy shtogodnik*. Minsk, 2017. Issue 18. Pp. 247–264. [Latushkin, 2017b]
- Litskevich, A. U. Dagavory pamizh knyazyami VKL, nobilyami Zhamoitsi i pradstavnikami Tevtonskaga ordena v Prusii i Livonii (1367–1398 gg.) [Treaties between Princes of the Grand Duchy of Lithuania, Nobles of Samogitia, and Representatives of the Teutonic Order in Prussia and Livonia (1367–1398)]. In *Arche*. 2010. No. 10. Pp. 39–123.
- Litskevich, O. V. Dokumenty po istorii Menskoi zemli za 1386–1393 gg. [Documents on the History of the Minsk Land for 1386–1393]. In *Minsk i minchane: dzesyats' stagoddzyaŭ gistoryi (da 510-goddzya atrymannyya Menskam magdeburskaga prava): materyyaly Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi, 4–5 verasnyya 2009 g.* Minsk, 2010. Pp. 8–15.
- Litskevich, O. V. Granitsa mezhdru VKL i Livoniey ot ozera Kurtsuma do Zapadnoi Dviny v XIV–XV vv. [The Border between the Grand Duchy of Lithuania and Livonia between Kurcums Lake and the West Dvina in the 14th and 15th Centuries]. In *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vitebsk, 23–24 aprelya 2021 g.* Vitebsk, 2021. Pp. 426–428.
- Nowak, P. Dokumenty pokoju w Raciążku z 1404 roku. In *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa, 2002. T. 40. S. 57–77.
- Petrauskas, R. Pravyashchii rod i znat': k voprosu o predposylkakh formirovaniya Litovskogo gosudarstva [The Ruling Dynasty and the Nobility: On the Bases for the Formation of the Lithuanian State]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. No. 1 (11). Pp. 95–116.
- Pietkiewicz, K. Uwagi o dokumencie łacińskim w praktyce kancelarii litewskiej Aleksandra Jagiellończyka. In *Praeities pėdsakais. Skiriama Profesoriaus daktaro Zigmanto Kiaupos 65-mečiui*. Vilnius, 2007. P. 119–134.
- Polechow, S. Rahoza. Przyczynek do dziejów kancelarii i dworu wielkich książąt litewskich w epoce Witolda. In *Studia z Dziejów Średniowiecza*. Gdańsk, 2019. T. 23. S. 199–215.
- Ragauskienė, R. Dingę istorijoje. XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. 366 p.
- Siemieński, J. Archiwum Koronne przed Kromerem. In *Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń PAU. Wydział Historyczno-Filozoficzny*. 1934. Nr 2. S. 16–18.
- Spierski, Z. Z dziejów Archiwum Koronnego Krakowskiego. Kopiařusz Jana Łaskiego (około 1505 roku). Cz. 1. In *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1979. T. 24. S. 109–138.
- Spierski, Z. Z dziejów Archiwum Koronnego Krakowskiego. Kopiařusz Jana Łaskiego (około 1505 roku). Cz. 2. In *Studia Źródłoznawcze*. Warszawa; Poznań, 1983. T. 27. S. 147–161.
- Stadnicki, K. Synowie Giedymina. Lwów, 1853. T. 2. Lubart xiążę wołyński. [4], 269, [1], XXXI p., [4] tab.

- Starý, M. Anna “von der Luczka” (K původu první manželky vévody Přemysla I. Opavského). In *Genealogia ac heraldica Bohemica. Sborník příspěvků z odborné konference pořádané Českou genealogickou a heraldickou společností v Praze ve dnech 28.–29.4.2001 na zámku Nečtiny*. Praha, 2002. S. 57–65.
- Sułkowska-Kurasiowa, I. Archiwum Koronne Krakowskie. In *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Przewodnik po zespołach*. Warszawa, 1975. T. 1. S. 29–40.
- Sułkowska-Kurasiowa, I. Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów (1370–1444). Warszawa, 1977. 286, [8] s.
- Szende, K. The Uses of Archives in Medieval Hungary. In *The Development of Literate Mentalities of East Central Europe*. Turnhout, 2004. Pp. 107–142.
- Szweda, A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009. 465 s.
- Szybowski, S. Kancelaria wielkiego księcia Witolda w dobie wielkich konfliktów z zakonem krzyżackim w latach 1409–1422. Organizacja, zadania, personel. In *Kancelaria wielkich mistrzów i Polska kancelaria królewska w XV wieku. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Malbork, 2–3 IX 2004*. Malbork, 2006. S. 299–318.
- Szyska, J. Formowanie i organizacja dóbr monarszych w ziemi lwowskiej od połowy XIV do początku XVI wieku. Kraków, 2016. (Maiestas. Potestas. Communitas. T. 5). 568 s., [3] tab.
- Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka Genealogiczna. T. 2). 319, [1] p.
- Węcowski, P. Skarbiec pamięci. Archiwum monarsze w Polsce do początków XVI wieku. In *Przeszłość w kulturze średniowiecznej Polski*. Warszawa, 2018. T. 1. S. 369–418.
- Wojtkowiak, Z. Delimitacja litewsko-kurlandzka z 1584 roku. In *Lituanos-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. Poznań, 1989. T. 3. S. 267–276.
- Wojtkowiak, Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. „Limites Inter Litvaniam et Livonia“ z 1473 r. In *Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego*. Poznań, 2010. S. 213–270.
- Yanin, V. L. Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. [Acts Seals of Old Rus of the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1970. Vol. 2. Novgorodskie pechati XIII–XV vv. 366, [1] p.
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. [Acts Seals of Old Rus of the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1998. T. 3. Pechati, zaregistririvannye v 1970–1996 gg. 496 p.
- Zoltan, A. Interslavica. Issledovaniya po mezhslovjanskim yazykovym i kul’turnym kontaktam [Interslavica. Research on Inter-Slavic Language and Cultural Contacts]. Moscow, 2014. 222 p.

Sergey V. Polekhov

*School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

OLD RUSSIAN NOTES ON LATIN DOCUMENTS
IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND THE KINGDOM OF POLAND
IN THE SECOND HALF OF THE 14th CENTURY

The article analyzes Old Russian inscriptions regarding the topics of the Latin documents devoted to the Grand Duchy of Lithuania’s relations with the Teutonic Order and the Kingdom of Poland and written on the back sides (in dorso) of these documents. It is shown that such inscriptions were not made simultaneously, while systemizing early archives and compiling their inventories, but due to the Ruthenian scribes’ need to mark single documents written in a foreign language, in the period of intensified intercultural contacts, probably in the second half of the 14th century, in the archives of three different rulers.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Kingdom of Poland, Teutonic Order, documents, dorsal notes, medieval archives

